

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: 101 ГОД СПУСТЯ

А.Б.Зубов

ПОЧЕМУ НЕ ВОПЛОТИЛИСЬ «БЕССМЫСЛЕННЫЕ МЕЧТАНИЯ» (Манифест 17 октября 1905 г.)

Зубов Андрей Борисович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН.

I

«Так вы-таки были большим либералом? – с любезною улыбкою спросил Верига. – Конституции желали, не правда ли? Все мы в молодости желали конституции.... Конечно, ваше превосходительство, – признался Передонов, – в университете и я...» – Федор Сологуб, закончив «Мелкого беса» летом 1902 г., сохранил для нас эту примечательную картинку общественных настроений начала XX в.

Все ждали конституции – «увенчания земства Государственной думой». По крайней мере, все почти представители образованных, интеллигентных сословий. Рабочие и крестьяне ждали иного: крестьяне – черного передела, безвозмездного распределения между ними казенных и помещичьих земель; рабочие – более справедливого распределения прибылей между ними и работодателями. Но даже в эти, низшие и плохо образованные слои русского народа стали к концу XIX столетия проникать убеждения, что без народоправства, без конституции ни земли, ни справедливого распределения прибылей народу не видать. Очень многие ждали конституции, парламента как когда-то иудеи ждали мессию. А другие, немногие, также с религиозным фанатизмом клеймили парламентаризм и конституционализм «великой ложью нашего времени» (К.П. Победоносцев). Что это было – массовый политический психоз, самообман или полунтуитивное – полурациональное виденье спасительного для России пути?

Чтобы понять настроения конца XIX столетия, нам следует обратиться в прошлое России и Европы.

Абсолютная самодержавная монархия, существовавшая в России до Манифеста 17 октября 1905 г., вовсе не была извечным политическим институтом, как сейчас полагают очень многие монархисты и республиканцы-либералы. Она

утвердилась в России только с Петром I, придя на смену соборному правлению, а до того – вечевому, уходящему корнями в доисторическую арийскую социальность. Не случайно ведь слово «вече» восходит к праиндоевропейскому глаголу «вач» – священная речь. Народное собрание – самхита, сабха древних ариев избирало воинского и гражданского предводителя – князя, раджу и следило, чтобы он исполнял извечный священный закон – дхарму. Высшим авторитетом в сфере дхармы являлись священнослужители – брахманы, не вмешивавшиеся в государственное управление. В эпоху деградации арийского сообщества (примерно I тыс. до Р.Х. – I тыс. по Р.Х.) вече, тинг стали и народным собранием, и высшим судом, но после христианизации европейских народов в конце I – начале II тысячелетия функции высшего нравственного авторитета возвращаются к духовной власти, к «освященному собору» и органично соединяются с идущим из Византии принципом симфонии духовной и императорской власти.

Когда после смут и нашествий Европа восстанавливает государственные институты, повсюду почти возникают и национальные представительные учреждения. В Леоне и Кастилии в 1188 г., в Германии – в 1237 г., в Португалии – в 1254 г., в Англии – в 1265 г., во Франции – в 1302 г., в Швеции – в 1435 г. До того, в эпоху раздробленности, существовали провинциальные парламенты и сеймы отдельных областей. Первый общерусский собор после татарского ига был созван в 1549 г. Но есть летописные известия о созыве собора князем Всеволодом Юрьевичем в 1211 г., и прекрасно известны русские провинциальные и городские собрания – Новгородское, Псковское, Смоленское, Киевское. Последний русский собор действует с 18 декабря 1683 по 8 марта 1684 г. и обсуждает условия вечного мира с Польшей. Сведения секретаря австрийского (цесарского) посольства в Москву И.Г. Корба о соборе 1698 г., созданного Петром, большинство историков подвергают сомнению. Но, как бы то ни было, с Петра парламентаризм на Руси прекращается. Петр I становится первым русским самовластным монархом. «Его Величество есть Государь самовластный, никому на свете за свои дела ответ давать не должный, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять», – впервые объявляет об абсолютной власти русского Царя, сохранявший силу до начала XX века Военный регламент 1716 года (гл. 3, ст. 20). Чуть раньше, в конце XVII в. к абсолютизму переходят многие парламентские страны Европы – Франция, Австрия, Пруссия. Политические права у всех сословий отбираются в пользу короны. «Править для блага народа, но без народа» – вот принцип абсолютизма XVII–XVIII вв.

С легкой руки Ричарда Пайпса в нашем обществе утвердилось мнение, что отличие русского абсолютизма от западноевропейского состояло в отсутствии среди русских понятия частной собственности. – «В России само понятие имущества... отсутствовало до введения его Екатериной II, немкой по происхожде-

нию. Московская Русь управлялась словно частное владение, ее население, территории со всем содержимым считались имуществом трона»¹. Формально это отчасти верно, но фактически – неверно совсем. Вотчины вовсе не считались государевым имуществом. Иная земля *de jure* была государевой, но *de facto*, и это зафиксировано в бесчисленных земельных частных документах – закладных, духовных, дарственных, купчих; и помещичья, и церковная, и крестьянская, и мещанская земля понималась как частновладельческая. Иная же собственность и вовсе не ставилась под вопрос – ее частновладельческий характер тщательно оберегается нормами, например, X главы Соборного уложения 1649 г.

Своеобразие же России XVIII в., ее отличие от Пруссии и Австрии состояло в ином. Русские императоры нисколько не заботились о благе народа, не распространяли среди него грамотность и здравоохранение, как императрица Мария-Терезия или король Фридрих Великий, но расширяли права и преимущества только дворянства и, отчасти, купечества. Жизнь же крестьян, особенно крестьян частновладельческих, становилась все более тягостной. Вторая особенность России в том, что после Французской революции абсолютистские монархии Центральной Европы быстро преобразуются опять в парламентские, низшие сословия освобождаются от крепостной зависимости и их гражданские права приближаются к правам сословий высших. Абсолютизм сменяется конституционализмом. Этот процесс завершается к середине XIX столетия.

Иначе в России. Здесь процесс освобождения крестьян только начинается с Манифеста 19 февраля 1861 г. И крестьяне вплоть до начала XX в. не обретают ни прав на землю (они ее выкупают у помещиков), ни полной гражданской дееспособности. Образование и здравоохранение среди низших сословий начинают распространяться только с возникновением земства, то есть после 1864 г. и, главным образом, благодаря тому же земству. Что же касается возвращения гражданских и политических прав, отнятых у русского народа Петром I и его преемниками на императорском престоле, то весь XIX век Россия оставалась последней в христианской Европе абсолютной монархией. Конституционные проекты разрабатывались по почину Александра I (так называемая Государственная грамота Новосильцева) и Александра II, но оба проекта так и не воплотились. Александр I не решился создавать представительские учреждения в обществе, где половина населения – рабы, а отменить крепостное право он не мог – на это категорически не соглашались тогда дворяне, да и крестьяне, уже деградировавшие после эпохи векового рабства, вряд ли могли стать в одночасье ответственными гражданами. Александр II погиб от бомбы террориста как раз тогда, когда намеревался подписать указ о созыве законосовещательной Думы.

1. Пайпс Р. Русская революция. – М., 2005. – Т. 1 – С. 76.

А между тем десятилетия после Великих Реформ преобразили русское общество. Земство, гласный суд, гражданская свобода низших сословий, постепенное превращение крестьян в собственников и своего труда, и своей земли, наконец, рост грамотности – все это создавало благоприятные условия для возвращения от абсолютизма к «соборной» представительной монархии. «После освобождения (крестьян) неограниченное самодержавие стало невозможно, – писал Н.Е. Врангель. – Мыслящая Русь это понимала, народ это инстинктивно чувствовал. Но сами самодержцы этого не поняли или понять не хотели. Видоизменяя во многом склад жизни своего народа, они своими личными правами, своими прерогативами поступиться не хотели, в неограниченном самодержавии продолжали видеть святая святых, в неприкосновенности его – главную задачу своего царствования»².

В отличие от своего старшего брата Александра, мечтавшего в юности создать в России республику, Николай I был категорическим противником перехода от абсолютизма к парламентаризму. Александр III, ненавидя и презирая сластолюбивого отца, заодно, под влиянием Победоносцева, поставил крест и на либеральных начинаниях Александра II. Николай II, взойдя на престол, первым делом подтвердил отеческие принципы. 17 января 1895 г., принимая представителей дворянства, земств и городов, молодой царь объявил им: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся *бессмысленными мечтаниями* об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия также твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

Напротив, общество русское, как бы со стороны наблюдая усилия царской администрации в управлении страной, полагало, что о благе народном самодержцы всероссийские пекутся плохо и мало. Сравнение со странами Западной и Центральной Европы было явно не в пользу России. И благосостояние, и культура соседних с Россией народов был несравненно выше, чем народа русского. Шлагбаум пограничного Вержболово разделял не два политических субъекта – Россию и Германию – а два мира, один из которых был безнадежно отсталым в сравнении с другим. Германия в 1911 г. тратила на одного гражданина 59 руб. бюджета в год, Россия – только 15. В Германии на 100 кв. км. приходилось 11,6 км железных дорог, в России – 0,3 км. В Германии на 1 тыс. жителей приходилось 150 учеников народных школ, в России – 41. Неграмотных новобранцев, поступивших в войска, в Германии было 0,02%, а в России – 61,7%. Экспорт на душу населения составлял в Германии 54 руб. золотом, в России –

2. Врангель Н.Е. *Воспоминания. От крепостного права до большевиков.* – М., 2003. – С. 322.

10, импорт – 64 и 7 руб. В Германии житель посылал в год в среднем 140 почтовых отправлений, в России – только 10.

Поскольку с конца XVII столетия все слои русского общества были лишены какой-либо возможности влиять на управление, вся вина за неблагополучие России возлагалась русскими на «бюрократию», безраздельно взявшую управление страной в свои руки. «Все образованные и так называемые интеллигентные люди, за самыми малыми исключениями, требовали переворота, т.е. объявили войну бюрократии, а когда их спрашивали, что они подразумевают под бюрократией, то они отвечали: Неограниченную верховную власть»³, т.е. абсолютную монархию.

Официальная идеология оправдывала абсолютизм тремя видами доводов.

Первый довод был богословским. Самодержавная власть «от Бога», так как царем человек становится не по выбору людей, а по рождению в царской семье, т.е. по милости Божией. А от Бога не может быть ничего дурного и бесполезного. Использование этого аргумента, между тем, было очень опасно. Так как все видели великие изъязы и несправедливости в русском государстве, а Церковь, как это было принято во всех абсолютистских монархиях, всецело была подчинена трону и оправдывала все его действия, то думающие люди все чаще стали отходить от Церкви, а то и от веры как таковой. Те же, кто сохранял веру и углублял ее, резонно замечали, что «всяк человек – ложь» [Пс. 115, 2] и что история и России, и всего человечества, в том числе и священная история древнего Израиля дает такое изобилие примеров жестоких, жадных, глупых царей, совершенно равнодушных к благу народа, что полагать их всех даром Божиим никак не возможно.

Иногда к первому богословскому аргументу прилагался и второй – как один Бог на небе, всем самодержавно управляющий, так и один правитель в стране. Когда-то в седьмом слове «Просветителя» об этом писал, с массой осторожных оговорок, преподобный Иосиф Волоцкий, подчеркивавший, что Бог и царь все же очень разные сущности и если Богу надо повиноваться бесспорно, то царю – с рассуждением: «Если же некий царь царствует над людьми, но над ним самим царствуют скверные страсти и грехи... такой царь не Божий слуга, но дьявол, и не царь, но мучитель... И ты не слушай царя или князя, склоняющего тебя к печестию или лукавству...»⁴. Но так рассуждали в конце XV столетия. В середине XIX столетия православные иерархи писали уже намного определенной: «Бог, по образу Своего небесного единоначалия, устроил на земле Царя; по образу Своего вседержительства – Царя Самодер-

3. Витте С.Ю. Воспоминания. – Таллин; Москва, 1994. – Т. 2. – С. 308.

4. Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель. – М., 1993. – С. 188–189.

жавного; по образу Своего Царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, – Царя наследственного»⁵. Владыка Филарет, мистик и богослов, делает и здесь необходимые, хотя и малозаметные непосвященным, оговорки. Но в повседневной жизни оговорки исчезали вовсе. «Бога бойтесь, царя чтите» и точка. Между тем параллелизм между всемогуществом Бога и царским абсолютизмом – явная и грубая богословская ошибка. Бог является вседержителем и абсолютным владыкой мира – ибо Он сотворил его из ничего. Природа Бога и природа созданного Им мира различна. И низшее подвластно высшему, тварное – Творцу. Царь же не творит своих подданных, он даже не рождает их, как отец – детей. И царь и его подданные имеют одну и ту же природу. А между одноприродными сущностями, как явлено нам в отношениях Святой Троицы, присутствуют взаимная жертва и любовь, добровольность и свобода, а отнюдь не рабское повиновение Сына и Духа Отцу. Подвиг Христа – подвиг *вольный*. Иконой Святой Троицы являются и Церковь, где соборное начало твердо установлено еще апостольскими правилами (ст. 34), и семья, которая, как явствует из чинопоследования таинства Брака, создается только добровольно. Если уж христианскому государству и искать свою священную икону, свой первообраз, то им может быть отношение лиц во Святой Троице, отношение епископов друг ко другу и народа к ним в церкви и, наконец, отношения мужа, жены и детей в хорошей семье, где царствуют «совет да любовь». Перенесение же отношений между Богом и человеком на отношения царя с его подданными глубоко искажало сознание и властвующих и подвластных, превращая царя в идола, а от народа требуя не боголюбия, но идолопоклонства.

Кроме того, все христиане – «царственное священство», все – «народ Божий», все имеют помазание Духом Святым, и потому они могут сами управлять собой или, по крайней мере, участвовать в управлении, которое осуществляет «помазанник Божий». Христианский народ и может и должен контролировать действия власти. Ссылки на то, что полезней подчиняться, нежели управлять, опровергаются доводом, что в аскетике подчинение старцу или настоятелю монастыря всегда дело добровольное. Каждый подвижник свободно избирает монашество, свободно ищет старца. Если бы монарх также свободно избирался народом – иной разговор, но в России была абсолютная монархия, где подданный может только присягать и повиноваться, где он – по рождению раб. А это противоречит христианскому достоинству человека. Так что богословские доводы в пользу абсолютизма больше соблазняли, ожесточали и отводили от веры народ, чем укрепляли власть.

5. Святитель Филарет (Дроздов). Слово в день рождения благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича (1851 г.) // Избранные труды, письма, воспоминания. – М., 2003. – С. 456.

Второй аргумент – такая громадная империя как Российская может сохранять могущество и целостность только под самодержавным правителем. Аргумент этот также был чисто умозрительным. За океаном все более укреплялось Северо-Американское союзное государство, практически столь же обширное, как и Россия, но при этом республиканское, с широко развитой системой местного самоуправления. Почему большие пространства обязательно требуют абсолютной власти, никто объяснить разумно не мог. Тем более что развитие систем транспорта и связи – железные дороги, почты, телеграф – делали управление намного более быстрым и удобным.

Да и сама империя – столь ли безусловна это ценность? Империя создается для благополучия и безопасности своих граждан, но граждане России в большинстве своем оставались бедными и вряд ли неуязвимыми от внешних врагов. Дело в том, что экономическая и военная отсталость России, наглядно проявившаяся, например, в Крымскую войну 1854–1857 гг., приводила и к поражениям, и к неоправданно высоким потерям в личном составе. Скорее наоборот, огромная империя требовала для своего поддержания огромных усилий и жертв от русского народа и, вызывая зависть соседей, порождала все новые военные конфликты, приводящие к гибели все новых и новых русских граждан. Слова Александра III, которые очень любят современные патриоты, что у России есть только два верных союзника – ее армия и флот – на самом деле горькое признание. Национальная безопасность становится очень уязвимой, когда опирается не на дипломатическое искусство, но на одну грубую силу полевой и корабельной артиллерии.

Но если от громадной империи народ русский не получал никакой пользы и только клал на ее поддержание и расширение свои силы и жизни, то значит нужна эта империя не народу, а все той же бюрократии, самодержцам всероссийским, кичившимся громадностью своих владений перед иными монархами Европы. Империя оказывалась не необходимейшей частью жизни, но идеологическим фантомом.

Третий аргумент – многонациональность. В многонациональности сущность империи. Прекрасно, когда многие народы и племена соединяются добровольно в империю ради лучшей организации своей жизни. В таком объединении присутствует отблеск христианской соборности, оно – икона церкви. Но как раз многонациональность – самый убедительный аргумент против абсолютизма. Если империя – добровольный союз многих народов, то он, естественно и должен строиться как союз самоуправляющихся сообществ, передающих центральной власти только те обязанности, которые нельзя хорошо реализовать порознь. Тогда абсолютная власть монарха совершенно не нужна. Если же империя – не добровольный союз, но результат завоевания имперским народом иных племен, то тогда для инородцев абсолютная власть может быть и необходима, чтобы

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

держат их в повиновении. Так, по крайней мере, полагали многие в России, например С.Ю. Витте. В стране, где 35% инородцы, абсолютизм необходим, писал он⁶. Однако такая империя далека от христианских идеалов братства и любви и совсем не прочна – чуть пошатнется власть монарха, народы начнут разбегаться из-под его тяжелой длани. К сожалению, Российская империя принадлежала к империям недобровольным, как, впрочем, и иные современные ей колониальные империи – Британская, Португальская или Французская. Но в этих европейских империях свободен был, по крайней мере, народ метрополии. Ни англичанин, ни француз не ощущали себя рабами. В России же сам русский народ поработен был, пожалуй, еще жестче, чем инородцы, большинство которых и крепостного права не знали и какие-то начатки самоуправления имели. И, сравнивая свое положение с положением финнов, татар или армян, русские вполне могли считать, что абсолютная царская власть вовсе не держит в повиновении инородцев ради их, русских, блага, но держит в повиновении и русских, и инородцев ради блага разноплеменной дворянской элиты. Даже самый примитивный русский национализм не мог оправдать русского абсолютизма и потому, кстати, очень слабо развивался в русском народе в эпоху империи.

По всем выше указанным причинам идеология абсолютизма не воспринималась образованной частью общества, а простой и неграмотный народ сохранял веру в царя, как в отца народа, в царя-батюшку, отделяя его от хорошо известных ему дворян-помещиков и купцов-капиталистов, которых он не любил и на имущества которых претендовал. Но доверие к царю в народе вовсе не было иррациональным или мистически мотивированным. Во все нет, скорее это было доверие патриархальное. Доверие детей к отцу. Прочна семья, в которой отец оправдывает такое доверие. Но если дети, подрастая, обнаруживают, что отец вовсе не о них печется, не ради них живет, а превращает их только в средство для достижения своих целей или бросает их на произвол судьбы для осуществления собственных прихотей – горе такому отцу. Он будет отвергнут и проклят детьми. И чем сильнее была когда-то любовь, тем пуще разгорается темное пламя ненависти.

Как мог доказать царь свою отеческую любовь? По мнению крестьян – очень просто – переделить землю, отобрать ее у купцов и помещиков и отдать ее тем, кто трудится на ней. До поры до времени крестьяне думали, что царь просто не ведает об их нуждах, что помещики его обманывают. Но все больше проникала в их среду социалистическая и либеральная пропаганда. Разночинцы, сами вышедшие из низов, да и совестливая молодежь из высших сословий не уставали объяснять простым людям, что царь вовсе и не хочет помогать им, что

6. Витте С.Ю. Воспоминания. – Таллинн; Москва, 1994. – Т. 2. – С. 290.

он сам первый помещик России. После начала студенческих волнений в 1899 г. по пустяковым причинам и репрессий власти против учащихся, поток таких агитаторов и в деревню, и рабочие районы городов резко усилился. Тогда усилились и репрессии. Ответом на них стал революционный террор.

Первой жертвой возобновившегося террора пал в феврале 1901 г. как раз министр народного образования – профессор Н.П. Боголепов. За ним – министр внутренних дел Сипягин, потом уфимский губернатор Богданович, финляндский генерал-губернатор Бобриков... Маховик противостояния раскручивался неумолимо. Террористические акты революционеров вызывали в обществе не возмущение, но одобрение. «Трупы Боголепова, Сипягина, Богдановича, Бобрикова, Андреева и фон Плеве не мелодраматические капризы и не случайности русской истории; этими трупами обозначается логическое развитие отжившего самодержавия, – объявлял в «Освобождении» П.Б. Струве. – Русское самодержавие в лице двух последних императоров и их министров упорно отрезывало и отрезывает стране все пути к законному и постепенному политическому развитию... создаваемая этими носителями власти общественная атмосфера негодования и возмущения... рождает из рядов русского общества одного мстителя за другим»⁷. «В свое время все мы радовались убийству Плеве, многие радовались убийству Сипягина», вспоминал уже в изгнании известный «либерал» В.А. Маклаков в переписке с Е.В. Саблиным (письмо от 22.12.1934).

А тут еще крайне непопулярная и крайне неудачная война с Японией, «война, которой в России никто не сочувствовал, которую народная масса совсем не понимала, а еще менее понимала эту войну наша армия, а ведь она должна была нести большие жертвы, не известно за что и на что»⁸. «Японцы казались нашим союзником против самодержавия, и на их нападение либеральное общество ответило почти сплошным пораженчеством», – признавался позднее В.А. Маклаков⁹.

В 1904 г. в Петербурге с 6–9 ноября собирается большой земский съезд, который впервые открыто и публично требует от верховной власти народного представительства «Насущнейшей потребностью переживаемого времени является правильная постановка законодательной деятельности и предоставление участия в ней народному представительству», – декларирует съезд¹⁰. За это решение проголосовало 60 его депутатов. Против – только 38. На различных банкетах и публичных открытых собраниях осенью 1904 г. требования консти-

7. «Освобождение». – Штутгарт, 19 июля 1904, № 52.

8. Епанчин Н.А. На службе трех императоров: Воспоминания. – М., 1996. – С. 308.

9. Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Т. 1. – Париж, [1936]. – С. 234.

10. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. – М., 1918. – С. 241.

туции звучат все решительней и порой начинает выдвигаться и значительно более радикальное требование созыва Всероссийского учредительного собрания, которое должно не дополнить государственную систему Российской империи парламентом, но заново учредить государство, скорее всего на республиканских основаниях.

Мудрый государственный деятель князь Петр Святополк-Мирский писал государю 24 августа 1904 г.: «Положение вещей так обострилось, что можно считать правительство во вражде с Россией, необходимо примириться, а то скоро будет такое положение, что Россия разделится на поднадзорных и надзирающих. И тогда что?»¹¹. Понятно, что тогда – русский бунт. В октябре 1905 г., когда революция была в разгаре, С.Ю.Витте откровенно и прозорливо писал императору: «Идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформы, то путем революции. Но в последнем случае она возродится из пепла ниспровергнутого тысячелетнего прошлого. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все сметет, все повергнет в прах. Какою выйдет Россия из беспримерного испытания, – ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории. Возможное чужестранное вмешательство разорвет страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретического социализма – они будут неудачны, но они будут несомненно, – разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основы права»¹². Страшные слова, которым место в книгах пророков.

Но был ли шанс на примирение?

II

В 1904 г. шанс на примирение еще, несомненно, был. Возмущалась и требовала конституции небольшая образованная часть общества. Она была крайне радикально настроена как раз из-за того, что находилась в политическом безвоздушном пространстве, порожденном запретом на какую либо свободную политическую жизнь, и потому действовала исходя из умозрительных схем, из абстрактных представлений о справедливости. Она вела войну с правительством за права русского общества и пыталась разбудить простых людей, сделать их своими союзниками, так как без них сил было явно маловато, даже самопожертвование бомбистов не помогало. Но о действительных политических настроениях и чаяниях разных частей народа интеллигенты знали очень немного. «Атмосфера навязанной конспирации и запретов вынуждала членов политичес-

11. *Исторические Записки*. – М., 1965, № 77. – С. 241.

12. *Красный Архив*. – М., 1925. – Т. 11–12. – С. 55–56.

ких партий акцентировать внимание на теоретических дискуссиях, а не решать конкретные политические проблемы. Они не столько желали понять подлинные стремления народа, сколько использовать его недовольство для успешного воплощения в жизнь собственных программ», – совершенно справедливо констатирует проф. Г.В. Вернадский¹³.

В 1901–1904 гг. просыпается и священноначалие Русской Православной церкви. С тревогой замечая повсеместное в народе охлаждение веры, епископы, профессора духовных школ, верующие образованные миряне и священники объясняют это охлаждение тем, что Русская Церковь уже двести лет связана синодальной системой, поставлена в невыносимое положение служанки абсолютистского государства, лишена достоинства и свободы, присущей Церкви Христовой. Церковь лишена законного возглавления – с 1700 г. в ней нет Патриарха, главный орган церковного управления – поместный Собор, который по церковным канонам должен собираться не реже двух раз в год, не созывался уже 200 лет. Всем в церкви заправляет государственный чиновник – обер-прокурор и архиереи бессильны без его санкции. Немедленный созыв поместного Собора, избрание им (а не назначение царем) патриарха – единодушное желание русского епископата. «Не следует ли предоставить православной Церкви большей свободы в управлении ее внутренними делами, где бы она могла руководиться главным образом церковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов, и, освобожденная от прямой государственной или политической миссии, могла бы своим возрожденным нравственным авторитетом быть незаменимой опорой православного государства?» – писал императору в январе 1905 г. первенствующий в Синоде Санкт-Петербургский митрополит Антоний Вадковский. Церковь русская, как и гражданское общество, желала свободного и ответственного служения Богу и отечеству.

Для стабилизации общественной жизни, для придания политическому процессу созидательности, императорская администрация должна была не столько сдерживать все группы населения России в их стремлении самим достигать своих целей и решать собственные проблемы, сколько позволить им самоорганизоваться и вступить друг с другом в институционально оформленный политический диалог. То есть, как раз и создать парламентскую площадку, встав, по крайней мере, на первых порах над ней, сохраняя за собой важнейшую роль арбитра, определяющего правила политического процесса и предлагающего неожиданные решения, когда спор общественных групп между собой переходит в клинч. Позднее эту модель почти безукоризненно создал Столыпин, но после его гибели и отставки графа Коковцова императорская власть вновь соскольз-

13. Вернадский Г.В. *Русская История. Учебник.* – М., 2001 – С. 265.

нула в проигрышную позицию политической силы, противостоящей практически всему обществу.

В конце 1904 г., несмотря на большие неудачи на театре Дальневосточной войны (поражение под Ляояном, капитуляция Порт-Артура) крестьяне, рабочие и солдаты еще оставались спокойными. Земские съезды казались им «барскими затеями», тем более не уместными в условиях тяжелой войны. О церковных инициативах они просто ничего не знали. Крестьяне порой выдавали агитаторов-социалистов полиции, рабочие охотно вступали в разрешенные «зубатовские» и «гапоновские» профсоюзы и устраивали лояльные монархические манифестации, если работодатели шли им на уступки по экономическим вопросам. «Революционного народа в России еще нет», – утверждал П.Б. Струве на страницах «Освобождения» в первом номере за 1905 г.¹⁴

В парламенте, сформированном на куримальной основе (как впоследствии и была сформирована Дума), рабочие вступили бы в диалог с предпринимателями по вопросам рабочего законодательства, крестьяне – с помещиками-земцами по земельным вопросам, нерусские народности – с русским большинством, православные – с иноверцами. Как показал позднейший опыт «третьей юнкерской монархии», правильно отрегулированный избирательный закон 1907 г. смог обеспечить России стабильность и исключительно быстрое и экономическое и гражданское развитие, несмотря на то, что действовал он в существенно менее благоприятных обстоятельствах, чем те, что были в 1904 г.

Не только справедливость, но и спасительность для империи предложений большого земского съезда прекрасно понимали многие государственные люди. Получив от Д.Н. Шипова отчет о решениях съезда, министр внутренних дел князь Святополк-Мирский предлагает трем талантливым и лояльным русским людям – ректору Московского университета князю С.Н. Трубецкому, статс-секретарю С.Е. Крыжановскому и начальнику полицейского управления генералу А.А. Лопухину подготовить для государя проект конституционной реформы. К началу декабря 1904 г. проект был готов, но Николай II по совету великого князя Сергея Александровича и С.Ю. Витте (который, скорее всего был недоволен тем, что проект разрабатывался без его участия) убрал в нем все, имеющее отношение к парламентаризму. 11 декабря 1904 г. император повторил фактически дословно то, что сказал десятью годами ранее, в январе 1895, земцам: «Я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне Богом народа»¹⁵. Опубликованный на следующий день указ «О предначертаниях к усовершенствованию госу-

14. «Освобождение», 7 янв. 1905, № 63.

15. Витте С.Ю. Воспоминания. – Таллинн; Москва, 1994. – Т. 2. – С. 319.

дарственного порядка» не содержал ни единого упоминания о политических реформах.

Это перетягивание каната между общественностью и царем могло еще продолжаться довольно долго, если бы не роковой день 9 января. Расстрел мирной рабочей демонстрации, которая, подражая господам земцам, хотела вручить свое прошение о нуждах рабочих «батюшке-царю», имел катастрофические последствия. Абсолютно не важно, готовились ли социалистами провокации, были ли террористические акты во время этого мирного шествия и при возможной встрече рабочих с Царем, стреляли ли первыми солдаты, или эсеры в солдат из-за спин манифестантов. Важно другое – царь рабочих не принял, даже бумагу от них не велел брать. В четверг вечером, когда о готовящейся на воскресенье манифестации уже было известно, он торопливо уехал в Царское Село, а само воскресное шествие было встречено пулями. 200 убитых, 800 раненых. Таков, по официальным данным, итог этого страшного дня. Отец так с детьми никогда не поступает, даже если они ошиблись, он их вразумляет, но не расстреливает в упор. «Нет у нас больше Бога! Нет у нас Царя!» – закричал между залпами толпе рабочих Гапон. И это были тоже пророческие слова. Царя, царя-отца не стало для русского простонародья в этот воскресный день. Навсегда.

«Была ли необходимость открыть огонь? – спросил я (двух боевых генералов, очевидцев события). – Безусловно, – сказал один, – а то толпа смела бы войско. – Ни малейшей – сказал другой. Разберитесь после этого в удельном весе свидетельских показаний... Одно мне кажется несомненным: выйди государь на балкон, выслушай он так или иначе народ, ничего бы не было, разве то, что царь стал бы более популярен, чем был. Но, как оказалось, во все свое царствование благоприятными обстоятельствами он пользоваться не умел... Расстрел на Дворцовой площади еще более отдалил народ от царя... теперь его уже начали не уважать: «не только править не умеет, но и своего народа боится», – говорили во всеуслышанье», – так оценил случившееся барон Н.Е. Врангель¹⁶. И не один он.

После 9 января по всей России прошла волна стачек, демонстраций, забастовок и на заводах, и в учебных заведениях. 13 января во время столкновения с войсками в Риге погибли 70 человек, на следующий день в Варшаве – 93 человека. В январе бастовало более 400 тыс. рабочих. Весной начались беспорядки в деревне. После Цусимской катастрофы беспорядки усилились. В эти месяцы были сожжены сотни усадеб, уничтожено множество ценного инвентаря, многие тысячи голов скота. Но, что еще страшнее, начались осквернения церк-

16. Врангель Н.Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков... – С. 314–315.

вей, кощунства в отношении духовенства. Разуверившись в царе, простой народ охладел и к Богу, милостью которого правил император всероссийский. «Вся Россия была в огне, – вспоминал шурин царя великий князь Александр Михайлович. – В течение всего лета громадные тучи дыма стояли над страной, как бы давая знать о том, что темный гений разрушения всецело овладел умами крестьянства, и они решили стереть всех помещиков с лица земли. Рабочие бастовали. В Черноморском флоте произошел мятеж, чуть не принявший широкие размеры... Латыши и эстонцы методически истребляли своих исконных угнетателей – балтийских баронов... Полиция на местах была в панике... Было убито так много губернаторов, что назначение на этот пост было равносильно смертному приговору»¹⁷. Революционный народ, которого не было, после 9 января в России появился – и в каких масштабах! «Новая Пугачевщина» – эти слова теперь были у всех на устах.

Здравомыслящие государственные и общественные деятели продолжали убеждать государя, что только созыв народного представительства, открыв публичный обмен мнениями различных частей общества, снимет фронтальное и гибельное противостояние практически всего общества с государственной властью. В конце января записку о необходимости созыва Земского собора представил государю министр земледелия и государственных имуществ Алексей Ермолов – опытный и мудрый сановник. Его записка, по всей видимости, легла в основу рескрипта от 18 февраля министру внутренних дел Александру Булыгину о необходимости «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений». Впервые за весь период русского абсолютизма конституционные «бессмысленные мечтания» обрели форму государственного акта. И пусть пока речь шла о законосовещательном собрании. Самим фактом избрания «от населения» депутаты обретали те необходимые силу и авторитет, которые открывали им возможность независимого от государственной власти действия – источник их легитимации был не от царя, но от народа. «Подписал рескрипт на имя Булыгина... Дай Бог, чтобы эта важная мера принесла России пользу и преуспевание», – записал тем же вечером в дневник государь.

Другим документом, подписанным императором в тот же день, являлось приглашение ко всем подданным подавать «предположения» «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства». В Петербург хлынул поток петиций от земств, городов, профессиональных союзов, крестьянских сходов. До 6 августа, когда в связи с провозглашением правил выборов в

17. Александр Михайлович, великий князь. *Воспоминания*. – М., 1999. – С. 215.

законосовещательную Думу (так называемую Булыгинскую) прием петиций был прекращен, их было прислано более 60 тыс. Во многих из них выдвигалось требование законодательного парламента, в других даже Учредительного собрания, в крестьянских прошениях повсеместны были желания прекратить выкупные платежи и получить помещичью и казенную землю. На фоне горящих помещичьих усадеб, солдатских и матросских мятежей, забастовок и рабочих, и студентов, и земских служащих, включая врачей и учителей, решительные требования петиций звучали особенно зловеще. За дворцовыми канцеляризмами принятой в обращении к монарху речи, петиции являли иное – кровь 9 января, широко разлившись по России, разделила царя и общество. Государь из отца и почти небожителя стал для одних врагом, для других – помехой, для третьих, правых – союзником в политической игре.

6 июня, на Духов день государь принял в Царском Селе депутацию, избранную союзом земств, городов и дворянских собраний. Говоривший от имени депутации князь Сергей Трубецкой, ректор Московского университета, убеждал царя созвать народное представительство, вернуться к соборному правлению, как управляли страной его далекие предки – первые Романовы. Ответ царя был тверд и решителен: «Отбросьте ваши сомнения. Моя воля, – воля царская – созывать выборных от народа – непреклонна. Привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом... Я твердо верю, что Россия выйдет обновленной из постигшего ее испытания. Пусть установится, как было встарь, единение между Царем и всей Русью, между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. Я надеюсь, что вы будете содействовать мне в этой работе». Увы, столь же твердо и решительно за полгода до этой встречи царь объявлял, что представительный образ правления вреден для вверенного ему Богом народа, а в начале своего царствования называл любые планы созыва нового Земского собора «бессмысленными мечтаниями». Все это помнили, все это знали и не верили царю.

В те же летние дни 1905 г. царь обещает созвать поместный православный церковный Собор. Чуть позже, в начале 1906 г. он даже распорядится создать Предсоборное совещание, которое было создано. Однако Собор царь так и не созвал; он уже самочинно собрался после отречения государя.

Политический кризис между тем нарастал. Портсмутский мир с Японией еще более подорвал престиж государственной власти. Всем стало ясно, что царь проиграл войну тем, кого он сам, не стесняясь, называл «макаками». Японцам отдали и залитый кровью Порт-Артур, и половину Сахалина. Расстреливает мирные манифестации своих подданных, а врага, которого обещали шапками закидать, победить не может и расплачивается с ним русской землей. Против абсолютизма теперь были практически все – от митрополитов и министров до

саратовских мужиков и лодзинских рабочих. Но Николай II своей властью делиться не желал, как и прежде. Если уж так хочет народ Думу созвать, то пусть эта Дума будет строго совещательной «для участия в рассмотрении законопроектов, вносимых в Государственный совет».

В конце сентября 1905 г. вновь начался рост забастовочного движения на фоне все разрастающихся крестьянских волнений. Интеллигенция, организовавшая к этому времени в «Союз (профессиональных) союзов», была всецело на стороне взбунтовавшегося простонародья. Во второй декаде октября вся Россия объявила забастовку. Остановились железные дороги, бездействовал телеграф, прекратилась торговля. Забастовкой в городах, восстаниями в армии и погромами усадеб руководили профессиональные революционеры, антироссийски, антигосударственно настроенные люди, но они бы не получили никакого авторитета в крестьянской и рабочей массе, если бы сохранялось среди народа доверие к царю и страх Божий. Но оба эти величайших устоя общественной жизни были разрушены самой императорской властью. И не за месяцы, а за те же 200 лет абсолютизма. Разрушение их только проявилось и завершилось после 9 января, Цусимы и Портсмутского мира.

Всеобщая забастовка середины октября 1905 г. сделала жизнь страны совершенно невозможной. Министры не могли прибыть на доклад к государю из Петербурга в Петергоф иначе как на боевом миноносце. А на Английской набережной, где ждал их «Дозорный» или «Разведчик», разъяренная толпа била окна дворцовых карет и грозила министрам судом Линча. «Сплошной мятеж в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими, почти раздетыми помещиками... Пугачевщина!.. До чего мы дошли. Убытки – десятки миллионов. Сгорели Зубриловка, Хованщина и масса исторических усадеб. Шайки вполне организованы... Все будет уничтожено. Вчера в селе Малиновке осквернен был храм, в котором зарезали корову и испражнялись на Николая Чудотворца», – пишет жене в эти дни саратовский губернатор, вскоре ставший премьер-министром России Петр Столыпин¹⁸.

В такой обстановке С.Ю. Витте 9 октября представил государю два возможных выхода из революционного кризиса – или немедленное дарование конституции с гарантиями гражданских прав и свобод, с законодательным парламентом, сформированным на основе широкого избирательного права, или введение жестокой военной диктатуры и подавление революции силой оружия. Сам Витте был всецело за конституционный вариант, но не исключал, что он ошибается.

«Государство не может жить и развиваться только потому, что оно существует, – писал Витте, объясняя царю свою мировоззренческую позицию. –

18. Столыпин П.А. Переписка. – М., 2004. – С. 597, 600.

Оно оправдывается и внутренне заложенной в его существо идеей... государство живет во имя чего-нибудь. Эта идея или цель государства коренится в обеспечении благ жизни, моральных и реальных. Благо моральное состоит в поступательном развитии свободного по природе человеческого духа. Блага реальные слагаются из совокупности экономических условий существования... Так во имя свободы создается право, определяющее пределы этой свободы. Во имя права – государство, с его основными элементами: властью, населением и территорией... Человек всегда стремится к свободе. Человек культурный – к свободе и праву: к свободе, регулируемой правом и правом обеспечиваемой»¹⁹. В настоящий же момент все видят противодействие власти этому стремлению к свободе и потому «в обществе воспиталась и растет с каждым днем злоба против правительства. Его не уважают, ему не верят». «Правительство, которое не направляет события, а само событиями направляется, ведет государство к гибели... Лозунг «свобода» должен стать лозунгом правительственной деятельности. Другого исхода для спасения государства нет, – твердо высказывает свое мнение Витте государю»²⁰. «Наступил момент кризиса. Долг верноподданного обязывает сказать это честно и открыто. Выбора нет: или стать во главе охватившего страну движения или отдать ее на растерзание стихийных сил. Казни и потоки крови только ускорят взрыв. За ним наступит дикий разгул низменных человеческих страстей»²¹. – Так заканчивает он свою записку.

Государь не сразу ответил. Он несколько дней совещался, выяснял, какие войска имеются в наличии, достаточно ли они надежны для подавления беспорядков. Наконец, 13 октября в Петергоф был срочно вызван великий князь Николай Николаевич. Начальник канцелярии министерства Императорского двора генерал-лейтенант Александр Мосолов так передает рассказ министра двора барона Фредерикса о встрече великого князя с государем: «Его приезда ждали, чтобы назначить диктатором. Великий князь будучи в каком-то неестественном возбуждении, выхватил револьвер и закричал: “Если государь не примет программы Витте и не захочет назначить меня диктатором, я застрелюсь у него на глазах из этого самого револьвера”»²². Второго 9 января в безмерно больших размерах, да еще по его приказу, великий князь категорически не желал. Этот исторический (или истерический?) жест великого князя решил судьбу России. После долгого совещания с Витте и Николаем Николаевичем государь принял решение даровать народу свободу и конституцию. Абсолютис-

19. Красный Архив. – М., 1925. – Т. 11–12. – С. 51–52.

20. Там же. – С. 55.

21. Там же. – С. 61.

22. Мосолов А.А. При дворе последнего Императора. – СПб., 1992. – С. 57.

тское государство, просуществовав в России два века, закончилось именно 17 октября 1905 г. Сам Император описал этот день в характерном для него стиле: «17 октября. Понедельник. Годовщина крушения (царского поезда в Борках – А.З.). В 10 часов поехали в казармы Сводно-Гвардейского батальона. По случаю его праздника о. Иоанн отслужил молебен в столовой. Завтракали Николаша и Стана. Сидели и разговаривали, ожидая приезда Витте. Подписал манифест в 5 час. После такого дня голова стала тяжелой, и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, умири Россию»²³.

Его подданные восприняли Манифест менее буднично.

«Вечером 17 октября по улицам (Петербурга – А.З.) мчался автомобиль. В нем стоял неизвестный, махал шляпой. “Конституция! Царь подписал конституцию!” – задыхаясь от волнения кричал он. Проходящий полицейский офицер остановился, снял шапку и перекрестился... Для меня лично, – продолжает барон Врангель, – 17 октября 1905 года был самым светлым днём моей жизни. То, о чем я мечтал с ранней юности, свершилось... Появилась арена, на которой стала возможной легальная борьба. Казалось, что будущее людей впервые оказалось в их собственных руках»²⁴.

«Выбор лежал между удовлетворением всех требований революционеров или же объявлением им беспощадной войны. – Размышлял другой современник 17 октября, шурин государя великий князь Александр Михайлович. – Было два исхода: или белый флаг капитуляции, или же победный взлет императорского штандарта... Николай II отказался удовлетворить силы революции – крестьян и рабочих, но перестал быть самодержцем, который поклялся в свое время в Успенском соборе свято соблюдать права и обычаи предков. Интеллигенция получила, наконец, долгожданный парламент, а русский царь стал пародией на английского короля. ... Сын Императора Александра III соглашался разделить свою власть с бандой заговорщиков, политических убийц и тайных агентов департамента полиции. Это был конец! Конец династии, конец империи! Прыжок через пропасть, сделанный тогда, освободил бы нас от агонии последующих двенадцати лет!»²⁵

Таковы мнения двух людей, принадлежавших к высшему слою старой России. Объективной же слабостью манифеста была форма его принятия. Он, как достаточно ясно заявлялось в его преамбуле, был вырван у императора «неслыханной смутой и волнениями в столицах и во многих местностях империи нашей». Он не был дарован по доброй воле, по долгом и трезвом размышлении

23. *Дневник Императора Николая II.* – М., 1991. – С. 239.

24. *Врангель Н.Е. Воспоминания...* – С. 322–323.

25. *Александр Михайлович, Великий князь. Воспоминания.* – М., 1999. – С. 216–217.

о нуждах страны и благе народа. Он тем более не сопровождался ни одним вздохом покаяния за все те тяготы и несчастья, которые и в последнее царствование и в предшествующие были совершены абсолютной монаршей властью, от ее имени. Напротив, до последней минуты император Николай Александрович колебался – устроить ли своим «детям» небывалое кровопускание или позволить им из рабов-малолеток превратиться в совершеннолетних граждан. И только мужество и порядочность «Николаши» (великого князя Николая Николаевича) окончательно склонили весы монаршей воли к дарованию манифеста. Именно поэтому, а не по своему содержанию Манифест 17 октября был «от начала порочен». Он был вырван силой, а проявивший безволие и бессилие монарх потерял последние остатки доверия в русском народе.

«Хотя правительство всегда уступало напору критических требований, но по собственной инициативе оно никогда не предпринимало шагов в этом направлении. Его нерешительность оказалась главным фактором, обеспечившим успех революционных организаций», – точно указывал Георгий Вернадский²⁶. «Правительство, которое не направляет события, а само событиями направляется, ведет государство к гибели»... – как ясно это понимал Витте!

Надо, однако, специально подчеркнуть, что Николай II не желал расставаться с абсолютной властью не из-за маниакальной любви к власти как таковой. Царским венцом он тяготился, вряд ли меньше своего «благословенного» двоюродного деда, но считал несение шапки Мономаха своим долгом перед Господом, отечеством и предками. А с момента рождения долгожданного сына Алексея не переставал мечтать видеть его своим преемником на престоле самодержцев всероссийских, облеченным всею полнотой монаршей власти. Абсолютная монархическая власть была для Николая Александровича ценностью и святыней сама по себе. Что это было – плод ошибочного воспитания отцом и Победоносцевым? Или природная склонность души? Или что-то иное? Но как бы то ни было, именно глубокая убежденность в святости царского абсолютизма погубила и честного ее рыцаря императора Николая, и всю императорскую Россию.

Поскольку непопулярный царь оставался на престоле и поскольку Манифест 17 октября вырван был у него силой, народ не успокоился, и революционеры продолжали давить на власть – вдруг еще что-нибудь да упадет в руки. «Ну што ж! Если царь нам не поможет, то солдаты изделают забастовку: придут к царю, побросают ружья у кучу и скажут: Ваше Императорство! Возьмите ваш струмент. Вы об нас не заботитесь, так и мы Вам больше служить не хотим», –

26. Вернадский Г.В. *Русская История. Учебник.* – М., 2001. – С. 267.

вспоминал историк Сергей Пушкарев разговор с крестьянином Старооскольского уезда²⁷.

В тот момент надо было бы покаяться в пролитой в январе крови, в ошибочном понимании своего царского долга – держать великую страну в безгласном повиновении. Покаяться и уйти с престола, оставив императором новорожденного сына при регенте брате Михаиле Александровиче или дяде Николае Николаевиче. Одновременно следовало созвать Церковный собор и восстановить патриаршество, о чем просили Царя и клирики, и просвещенные миряне. Регент объявил бы конституцию, соборно избранный Патриарх, свободный от обер-прокурорской опеки стал бы средоточием религиозных чаяний народа. Такой ценой, по всей видимости, еще можно было тогда восстановить «единение Царя со всей Русью». После 9 января, после «Артура и Цусимы» народ разочаровался в Николае II, но не в основах государственного строя, не в самой российской государственности как таковой. Привычки к революции еще не было, была, пожалуй, только усталость от нее. Усталость и растерянность. Новое лицо во главе страны, новое положение Церкви сравнительно легко переключили внимание народа, и началось бы умиротворение.

Но царь с престола не ушел, он даже и не думал о такой возможности, даже и не объявил, что сделает это после всеобщего успокоения. Царь остался, и презрение к нему народа осталось. Отныне, до самого конца монархии он стал в головах своих подданных (разве что за исключением нескольких недель в начале мировой войны, когда всеобщий подъем патриотических чувств вновь сделал Царя вождем народа) «мальчиком для битья», двуличным бесталанным правителем, помехой государственного развития, фигурой умолчания. И это неверие в высшую и священную власть быстро разъедало и религиозное, и гражданское чувство самого народа, лишало его высших нравственных устремлений.

«Может быть, именно теперь самая пора приниматься за дело – рассуждает профессиональный революционер эсдек Малицын в написанной Федором Сологубом в годы Великой войны повести «Заклинательница змей» [83], рассказывающей о предшествующих мирных годах. – Государство наше великое Всероссийское давно уж в воздухе висит, только само за себя и держится. Истинно самодержавие. Толкнуть хорошенько, все развалится, все в тартарары полетит». «Идея Царя была мертва... Празднование 300-летия династии Романовых больше походило не на торжество, а на поминки», – вспоминал уже не литературный герой, а непосредственный участник «юбилейных мероприятий» митрополит Вениамин Федченков²⁸.

27. Пушкарев С.Г. *Самоуправление и свобода в России*. – Франкфурт-на-Майне, 1985. – С. 82.

28. Вениамин (Федченков), Митрополит. *На рубеже двух эпох*. – М., 1994. – С. 131.

Но политическая система, сформировавшаяся благодаря Манифесту 17 октября, обнаружила при этом исключительную прочность и эффективность. Великий Петр Столыпин получив пост председателя Совета министров широкими реформами, в сотрудничестве с Думой смог умирить Россию и создать правовую рамку для грандиозных преобразований культурной, общественной и хозяйственной жизни. После третьеиюньского переворота началось плодотворное сотрудничество общества и государственной власти, продолжавшееся до 1915 г. Политические партии, ориентируясь на электорат, от революционной риторики переходили к государственному строительству. Русские люди, обретая свободу гражданскую и политическую, преобразовали Россию с поразительной быстротой. «Во всех проявлениях своей внутренней жизни Россия чувствует, как усиленно бьется ее пульс, насколько велики результаты, достигнутые за последние 6–7 лет в ее экономическом развитии», – писал в ноябре 1913 г. преемник и друг Столыпина Владимир Коковцов²⁹.

В это время быстрых преобразований России более всего нужен был монарх, чистый от грехов абсолютистского прошлого, ответственный, волевой, не ревнующий успехам своих министров, но радующийся тому, что государственные вопросы решаются ими успешно. Он должен был стать символом будущей Великой России, а не символом «проклятого прошлого». И рядом с ним должен был быть соборно избранный старец Патриарх, пекущийся о душе больного и во многом расхристанного народа, а не лжестарец Григорий, своими выходками и записочками окончательно отвращавший людей от монарха.

Сергей Витте, Петр Столыпин, великий князь Николай Николаевич, митрополит Антоний, князь Сергей Трубецкой, князь Петр Святополк-Мирский и множество иных замечательных русских людей всех званий, сословий и состояний, духовных и светских, военных и гражданских трудились над созиданием грядущей России. Но в лице государя Николая Александровича они встретились со старой, двухсотлетней абсолютистской Россией, для которой великими были Петр и Екатерина, безгласная церковь и верноподданный народ. Самостоятельные, ответственные министры, независимый от царя Патриарх были Николаю II не нужны и даже очень опасны. Мы можем только догадываться о судьбе Столыпина, если бы пуля Богрова не оборвала его жизнь в сентябре 1911 г. Но Витте и Коковцова царь уволил безжалостно. Потом, в 1914–1916 гг. были изгнаны почти все деятельные министры – Кривошеин, Сазонов, Самарин, князь Щербатов, генерал Поливанов. В 1915 г. снят с поста верховного главнокомандующего великий князь Николай Николаевич. Церковного собора царь так и не созвал, патриаршество не восстановил, а слишком активных архи-

29. Коковцов В.Н. Воспоминания. – М., 1991. – С. 276.

ереев – священномученика митрополита Владимира, своего духовника архиепископа Феофана ссылал куда подальше – с глаз долой из сердца вон. И через 12 урочных лет пресеклась царская власть, рухнула тысячелетняя Россия.

«Отчего рухнуло царское самодержавие в России?», – вопрошал на заседании религиозно-философского общества 15 апреля 1917 г. брат князя Сергея – князь Евгений Трубецкой. И сам отвечал на свой вопрос: «Оттого, что оно стало идолом для русского самодержца. Он поставил свою власть выше Церкви, и в этом было и самопревознесение, и тяжкое оскорбление святости. Он безгранично верил в субъективное откровение, сообщаемое ему – помазаннику Божию – или непосредственно, или через посланных ему Богом людей, слепо верил в себя как в орудие Провидения. И оттого он оставался слеп и глух к тому, что все видели и слышали. Отсюда эта армия темных сил, погубивших его престол, и вся та мерзость хлыстовщины, которая вторглась в Церковь и государство. Повреждение первоисточника духовной жизни – вот основная причина этого падения. В крушении старого порядка, которое было этим вызвано, выразился суд Божий не над личностью несчастного царя, а над тем кумиром, которому он поклонялся»³⁰.

Как это ни больно сознавать, но не мог спасти Россию Манифест 17 октября не из-за своих изъянов и несовершенств, а из-за противодействия ему даровавшего его государя и тех многих поколений его предков, дела и убеждения которых были Николаю II камнем на шее и гирей на ногах. Дух Манифеста 17 октября так и не превозмог духа абсолютизма и погиб вместе с ним в страшном 1917 г. И в этой великой неудаче урок для нас, трудящихся над возрождением исторической России.

30. Трубецкой Е.Н. О Христианском отношении к современным событиям // Новый мир. М., 1990, № 7. – С. 220.